

В данной теории смех часто интерпретируется как инструмент для демонстрации превосходства человека (или группы людей) над кем-либо или как способ компенсации, повышения авторитета индивида внутри социальной группы. Такой подход к использованию юмора имеет, прежде всего, этические ограничения.

Сравнение теорий юмора, показывает, что любая из перечисленных стратегий вызывания смеха может быть использована, однако результат воздействия смеха на человека будет различным. Использование юмора для подчеркивания собственного превосходства имеет этические ограничения, так как может понижать самооценку или даже оскорблять других людей. При использовании метода разрядки смех не запускает процесс осмысления и рефлексии, и такой подход не стоит внедрять, например, в образовательные практики. Использование противоречий и несоответствий, наоборот, стимулирует мышление, способствует погружению в контекст и дает конвергентный эффект. В связи с чем именно такая стратегия может принести наибольшую социальную пользу.

1. Дмитриев, А. В. Смех. Социофилософский анализ / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. – Москва : Альфа-М, 2005. – 594 с.
2. Raskin, V. Semantic mechanisms of humor / V. Raskin. – Dordrecht, Holland: D. Reidel Publishing Company, 1985. – 284 p.
3. Род, М. Психология юмора / М. Род. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 288 с.
4. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва : Мысль, 2001. – 478 с.
5. Козинцев, А. Г. Человек и смех / А. Г. Козинцев. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 235 с.

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ГЕНЕАЛОГИЯ П.А. ФЛОРЕНСКОГО

А.М. Куксюк

Научный руководитель В.В. Сидорин, канд. филос. наук
Государственный академический университет гуманитарных наук
г. Москва

Занятие историей философии требует от исследователя обращения к генеалогии, и именно генеалогия как метод должна стоять у истока любого исследования: без генеалогического исследования наиболее полное познание как таковое не может быть осуществлено. Генеалогия раскрывает внутреннее единство исследуемой области знания и в то же время позволяет ответить на такой фундаментальный для философии вопрос, как «возможно ли нечто принципиально новое?». Кроме того, генеалогия позволяет исследователю отследить пересечение гетерогенных линий, в нашем случае – линий субъекта и

объекта. Во многом именно по этим причинам П.А. Флоренский посвящает значительную часть курса «О принципах исторического познания», прочитанного в Московской Духовной Академии в 1916–1917 гг., введению в генеалогии [2, с. 497].

Генеалогия может исследовать как биологические, так и духовные корни того или иного явления. В первом случае речь идет, например, о генетической наследственности и комбинировании или изменчивости тех или иных генетических факторов, которые позволяют исследователю получить более полные данные касательно изучаемого объекта благодаря построению генеалогической таблицы. Но кроме биологии метод генеалогии раскрывается и в истории идей и понятий. Построение генеалогического древа помогает понять внутреннюю логику развития самых разных течений философии, их синтезов и метаморфоз. Каждая философия имеет свои корни, собирается из различных систем прошлого, наследуя им некоторые положения, но и вводя нечто новое.

Так, Павел Флоренский говорит о возможном генеалогическом исследовании наследия Канта: «Можно было бы проследить, как чувственность и разум у Канта преобразились в мужское и женское начала у Вейнингера или в инстинкт и интеллект у Бергсона и т.д. и т.д.» [2, с. 10]. Задача истории философии – работа с концептами, попытка построения наиболее полной генеалогической системы духовного наследования одних концептов философов другими, и при этом духовное наследство не предполагает строгой детерминации – генеалогические схемы дают возможность ухватить старое знание и возможность реализовать новое, как возможность изменения той или иной философской системы, а без возможности изменения нельзя говорить о какой-либо полноте или внутреннем единстве философского знания [2, с. 18]. Представляя историю философии (и историю вообще) в виде огромных генеалогических корней, повсеместно расходящихся и пересекающихся, Павел Флоренский приходит к идеалу исторического знания – идиографии. Идиография стремится к тому, чтобы «знать состояние мира во всех моментах <...> путем интегрирования, синтеза, объединения в целостные образы, живущие своей жизнью» [2, с. 64]. Путь интегрирования знания предполагает, что, исходя из одного конкретного концепта или вопроса, мы можем раскрыть все внутреннее единство философии. Мысль Павла Флоренского в этом аспекте пересекается с мыслью Мартина Хайдеггера: «Прежде всего, каждый метафизический вопрос всегда охватывает метафизическую проблематику в целом» [3, с. 16].

Во многих работах Павел Флоренский первым вопросом философии, раскрывающим все внутреннее многообразие философской проблематики, ставит вопрос о познании. В работе «Об историческом познании» П. Флоренский пишет: «Итак, я хочу отметить Вам особую связь генеалогии с вопросами философскими, т.е. вопросами наиболее глубокого познания» [1, с. 55].

В свою очередь, первостепенные вопросы любой теории познания – это вопросы «кто познает» и «что познается», иными словами – вопросы о субъ-

екте и объекте. Гносеология как тот регион философии, который занимается всесторонним исследованием знания, по мысли Флоренского, в самой своей этимологии раскрывает проблематику взаимоотношений субъекта и объекта познания. Ссылаясь на Священное Писание, отец Павел находит следующее употребление глагола знать/познать: «Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф.11:27); «И, обратившись к ученикам, сказал: все предано Мне Отцом Моим; и кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Лк 10:22). В оригинальном тексте на койне у Матфея используется ἐπίγνωσκειν (познание), а у Луки – γινωσκειν (знание). Познание Отца Сыном и Сына Отцом трактуется Павлом Флоренским через глаголы с корнем Γνω / Γνω как онтологическое взаимодействие, взаимопроникновение познающего в познаваемое. Отсюда же корни Γνω / Γνω: по авторской этимологии отца Павла, они «означают такое познание, при котором субъект и объект познания равным образом сообщаются между собою, соучаствуют друг в друге. Это наиболее полное познание» [2, с. 59].

Связь генеалогии и гносеологии раскрывается Павлом Флоренским еще на одном уровне: выделяя в генеалогических рядах линии Отца и Матери, он проецирует отцовское (род) и материнское (свойство) на вопросы познания. Отец – это тот, кто задает гомогенную линию времени, актуализирует род (генеалогическое древо Иисуса Христа проходит по отеческой линии «Авраам родил Исаака» (Мф.1:1 – 1:17) и далее). Рождение как таковое может быть вписано в линию времени через последовательность сменяющих друг друга поколений. На генеалогическом уровне актуализация рода есть преемственность фамилии, герба, духовных идей – то есть, субъективизация и идентификация членов рода на том или ином уровне. Отцовская линия, таким образом, задает субъективность. Мать же создает возможность актуализации рода; материнская линия – это гетерогенная линия пространства, задающая возможность синтеза временных линий. Отец Павел указывает на доминирующее философское представление пространства как женского начала (Природа, маком Каббалы, София, Божественное Ничто), которое в целом определяется как μη ον – творческое Ничто, имеющее в себе лишь возможность актуализации рода, но не несущее в себе сам род как таковой. Поэтому Мать генеалогически соотносится со свойством и задает объективирующий пространственный ряд.

Субъект – это то, что конституируется или собирается во времени. Субъект познания может действовать только во времени, различая моменты до познания и после познания. Сама субъективность неразрывно связана с памятью, будь то память рода или индивида. Память как таковая позволяет сжимать и разжимать события во времени, дела минувшие могут вспомниться субъекту с невероятной отчетливостью, а в памяти остаются следы, ведущие к прошедшим событиям. Субъективность существует во времени и остается в памяти:

«Ничто не пропадает <...> сама природа позаботилась запечатлеть Вашу жизнь, сама природа позаботилась зафиксировать Ваш хотя бы следок» [2, с. 30]. Субъективировать – значит войти во временно-родовой ряд. Но само субъективное различие должно существовать где-то, в каком-то «онтологическом месте» [2, с. 55]. Объект – это то, что вообще позволяет переходит от одного субъекта к другому; то, что задает саму возможность познания. Пространство – это виртуальное (в смысле возможности актуализации) место, в котором разворачивается действие субъекта.

Из этимологического анализа корней *Гво* / *Гво* понятно, что для отца Павла деятельность познания не осуществляется только лишь в рамках субъективного произвола, но устраняет дуализм субъекта и объекта как таковой. Отцу-субъекту негде актуализироваться без пространства, Матери-объекту нечего актуализировать без времени. Мир без пространства, то есть мир сугубо субъективный, отрицает творение чего-то нового как таковое: в этом мире уже все задано самим субъектом. Мир сугубо объективный, мир без времени, без возможности перехода от одной линии к другой – мир чистой статики, абсолютно неизменный. В монистической же гносеологии Павла Флоренского познание существует как онтологический брак субъекта и объекта. Он указывает на родство глаголов *conceptio* (зачатие) / *concipere* (по(н)имение, иметь (жену) как понимать) с глаголами *conceptus* (концепт) / *concipere* (понимать, понимание) [2, с. 63]. Отец познает Мать: в линии генеалогии рождается Сын, в линии гносеологии рождается само знание. Момент познания является моментом возникновения третьей линии координат – как синтез линии Отца-времени и Матери-пространства. Память, рефлексия и инфлексия – это способности субъекта, позволяющие говорить о смене пространственно-временных рядов, о полноте или скудности знания, о разворачивании генеалогии. Наиболее полное познание, познание как брак – это познание генеалогических рядов во всем их многообразии. Это познание собственных корней и корней вещей через ощущение связанности субъекта с миром и ощущение полноты этого мира.

Таким образом, наиболее полное знание возникает лишь там, где субъект и объект, отвергая крайний дуализм, взаимно конституируют друг друга. Само же знание разворачивается подобно генеалогическому дереву, и исследователю «надо много трудиться над разысканием следов прошлого» [2, с. 32.]. След – это то, что оставляют после себя участники генеалогического процесса, в генеалогии сам след подлежит тщательному исследованию. Само знание есть раскопки генеалогических линий и поиск следов. Объект при таком подходе рассматривается во всей своей целокупности, а сам субъект находит свое место в мире, основываясь на полноте полученного знания.

1. Массуми, Б. Воображая виртуальное / Б. Массуми // Философский журнал. – 2014. – № 1 (12). – С. 19–34.

2. Флоренский, П. А. Сочинения в 4 т. – Т. 3 (2) / П. А. Флоренский. – Москва : Мысль, 1999. – 623 с.

3. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – Москва : Республика, 1993. – 447 с.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЙЕНСКИХ РОМАНТИКОВ: ГЕНЕЗИС И АКТУАЛЬНОСТЬ

Д.А. Молчанова

Научный руководитель В.В. Сидорин, канд. филос. наук
Государственный академический университет гуманитарных наук
г. Москва

В данной статье проводится анализ переосмысления канонов эпохи Просвещения через работы нескольких представителей йенского кружка в начале XIX века в Германии. Сам проект Просвещения до сих пор остается в фокусе рассмотрения и противоречивых обсуждений, в силу чего его значение сохраняется и по сей день и связано с постоянными переоценками просвещенческого рационализма как средства влияния на общество. На примере творчества йенских романтиков возможно рассмотреть деконструкцию замыслов просвещения через ряд значимых операций: переосмысление традиции, реанимация воображаемого, возвращение религиозного, переоценка чувственного. Переход от классицизма и Просвещения к романтизму означал не только смену эпох, но и изменение мышления, переосмысление самости человека и его предназначения. В российской научно-исследовательской литературе тема романтизма всегда занимала немалое место, а многие работы, посвященные этому интеллектуальному феномену, стали классическими [1; 2]. Целью нашего исследования будет анализ культурно-исторических трансформаций, осуществленных немецким романтизмом (Йенская школа) по отношению к проекту Просвещения.

Особое место в йенском кружке занимал Карл Вильгельм Фридрих фон Шлегель (1772–1829). Изучая древнегреческое искусство и поэзию, он пришел к идее о необходимости реставрировать античное повествование. Здесь мы видим первую значимую операцию романтиков – переосмысление традиции: развитие литературы более не мыслится как прямолинейное движение только вперед. Сравнение античной прозы и комедии с современными сочинениями приводили Шлегеля к мысли об упадке сегодняшних творений: прогрессивная интерпретация современности оказывается, таким образом, дискредитирована. По его мнению, необходимо брать за основу извечные произведения великих, к примеру Аристофана, и с их помощью созидать новую культуру. Стремясь к постоянному преобразованию, нынешняя культура приходила к смешению различных стилей и жанров. «...Поэзия прошла три